

Методология и методы социологических исследований

© 2023 г.

ЦИНЬ ЛИ, Н.С. БАБИЧ

ДОСТОВЕРНОСТЬ ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В КИТАЕ

Ли Цинь – кандидат филологических наук, старший преподаватель Института иностранных языков Юго-Восточного университета, Нанкин, КНР (chineseli@mail.ru); БАБИЧ Николай Сергеевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент кафедры социологии РУДН, Москва, Россия (sociolog@mail.ru).

Аннотация. Международная ситуация повысила актуальность анализа общественного мнения в Китае. Специфика китайского общества позволяет оппонентам КНР критиковать проводящиеся в ней социологические опросы, используя такие аргументы, как отсутствие в стране «демократической общественности», самоцензура респондентов, подозрения в политической цензуре, нерепрезентативность выборок. Авторы статьи рассматривают эти критические аргументы и доказывают, что они либо легко опровергаются, либо с не меньшими основаниями должны предъявляться всем исследованиям общественного мнения в мире. Приведенные контраргументы доказывают, что данные опросов в КНР заслуживают доверия и позволяют анализировать тенденции общественного мнения, хотя такой анализ, безусловно, должен учитывать обычную для любого общества вероятность самоцензуры респондентов и то, что большинство выборок в Китае репрезентирует в первую очередь наиболее активное городское население.

Ключевые слова: общественное мнение • КНР • самоцензура • достоверность опросов • репрезентативность выборок

DOI: 10.31857/S013216250024880-1

В сложившейся международной ситуации большое значение приобретают тенденции общественного мнения Китая – крупнейшей по многим параметрам экономики мира, торгового партнера и непосредственного соседа России. В то же время есть аргументы против возможности достоверного анализа общественного мнения в КНР, которые выдвигаются, в основном, исследователями, занимающими прозападные и антикоммунистические позиции. Во-первых, они считают, что в современном Китае отсутствует общественное мнение как таковое за неимением его субъекта – демократической общественности [Thornton, 2011]. Во-вторых, предполагается, что в КНР особенно сильна самоцензура респондентов [Robinson, Tannenberg, 2019]. В-третьих, критикуется практика проведения и презентации опросов, ограниченная, как предполагается, государственной политической цензурой [Song, Lu et al., 2017]. В-четвертых, отмечается использование

Статья выполнена при финансовой поддержке соавтора Цинь Ли фондами фундаментальных исследований для китайских центральных университетов (проект № 2242020S20050 и проект № 2242020R10030) и фондами проекта провинции Цзянсу «Двойная творческая докторская степень» (JSSCBS202030305).

нерепрезентативных выборок, часто ограничивающихся жителями крупных городов [Zhang, 2004]. Перечисленные возражения распространены в научной литературе и, надо это признать, имеют некоторые основания – теоретические и эмпирические. Следовательно, прежде чем анализировать тенденции общественного мнения в КНР, социологам необходимы аргументы против описанных возражений. Авторы данной статьи ставят задачу представить их в систематизированном виде.

Первое возражение относится к самому существованию в Китае института общественного мнения. Как известно, в современном западном обществе он во многом сформировался в первой половине XX в. под влиянием электоральных опросов, в особенности успеха Д. Гэллага в предсказании итогов президентских выборов 1936 г. в США. Такая политическая природа общественного мнения в западных странах требует более или менее выраженной редукции его к сумме индивидуальных мнений – по образцу голосования на выборах [Ferrin, McFarland, 2011].

Описанного «электорального» индивидуализированного общественного мнения в КНР действительно может не существовать. Во-первых, из-за иной организации власти в социалистическом государстве опросы практически не являются инструментом предвыборной борьбы. Во-вторых, отличается отношение населения к опросам. Средний представитель западной культуры, участвуя в опросе общественного мнения, прежде всего, осуществляет самопрезентацию [Neuman, 2012: 237]. Китайский же респондент под влиянием культурных традиций [Cho, 2000] и устройства политической системы [张荣臣 (Zhang Rongchen), 2007: 27–32] выступает скорее как представитель социальной группы, выражающий не только свою личную, но и коллективную позицию.

Следует учитывать, что КНР может отличаться от Запада отношением к опросам со стороны политического руководства. Свою роль сыграла здесь практика «собеседований», введенная в 1960-х гг. в партийную работу Мао Цзэдуном для, как тогда это называли, осуществления учебы на опыте народных масс [Цзэ-дун, 1969: 8–9]. По своей организации эти собеседования с представителями народа сильно напоминали фокус-группы, они играли существенную роль в выработке решений руководством КНР вплоть до конца 1970-х гг., когда были заменены на более объективные массовые опросы [Zhu, 1988]. Однако смена метода не означала смены цели, так что опросы населения также стали выполнять функцию своего рода «консультаций с народом» при принятии решений руководством страны.

Все отмеченные особенности китайского общественного мнения в значительной степени корреспондируют, например, с российской социологической традицией. Б.А. Грушин полагал, что общественное мнение представляет собой «органический продукт общественной жизни, некое коллективное суждение, возникающее в процессе и результате весьма сложной социальной коммуникации – публичной дискуссии» [Грушин, 2001: 16–17].

Если рассматривать общественное мнение не как квазиголосование, а как латентно вырабатываемое социально влиятельное коллективное суждение, то его существование в современном Китае оказывается вполне очевидным. Во всяком случае, нет недостатка в исследованиях, показывающих влияние коллективных суждений граждан КНР на самые разные стороны жизни страны – загрязнение окружающей среды [Zhang, Li et al., 2018], практику смертной казни [Zhou, 2018], устойчивость банковского сектора [Ouyang, Chen et al., 2022] и т.п. Существенное воздействие коллективное суждение населения КНР оказывает на формирование внешней политики современного Китая [张志明 (Zhang Zhiming), 2007] – как в аспекте выработки ее общей линии [Weiss, 2019], так и в конкретных ситуациях [Chubb, 2019]. Отметим, что в последние десятилетия закономерно наблюдается быстрый рост публикаций на китайском языке, посвященных анализу общественного мнения [Zhao, Jin et al., 2022].

Но возможно ли измерить общественное мнение в условиях самоцензуры респондентов, существование которой предполагается критиками современного Китая? Наиболее простым индикатором самоцензуры представляется доля респондентов, затрудняющихся ответить на политически чувствительные вопросы. Некоторые исследования показывают, что по этому критерию самоцензура действительно может присутствовать в КНР [Ratigan, Rabin, 2020].

В то же время детальный анализ распределения «не-ответов» показывает, что их повышенный уровень в китайских опросах приходится на социальные группы, обладающие сравнительно меньшими информационными и экономическими ресурсами, а также более низким образованием (женщины, крестьяне, представители низших классов и старших поколений), в то время как молодые городские профессионалы демонстрируют тот же уровень готовности высказываться, что и в западных обществах [Shen, Truex, 2021]. Для этого отклонения более убедительным объяснением, чем самоцензура, служит хорошо известная социологам неодинаковая способность представителей разных социальных страт к «производству мнения» [Бурдые, 1993: 168]. Дополнительный вес этой интерпретации придают результаты экспериментов, которые показывают, что позитивное отношение к государственной власти в КНР проявляется в косвенных измерениях, таких как эмоциональные реакции на появление в социальной рекламе упоминаний Коммунистической партии Китая (КПК) [Stockmann, Esarey et al., 2018]. Если население Китая в целом демонстрирует имплицитное доверие к правительству [Huang, Intawan et al., 2022], то указание на аффилиацию опроса с КПК не ведет к повышению уровня «не-ответов» и доли лояльных респондентов [Lei, Lu, 2017]. Таким образом, влияние самоцензуры на достоверность измерения общественного мнения в КНР, как и в любом обществе, отнюдь не исключено, но его какая-то особая сила маловероятна, так как доказательства ее существования фрагментарны и частично опровергаются другими эмпирическими исследованиями.

Следующая проблема состоит в предполагаемой политической цензуре китайских опросов. Она решается сравнительно легко, так как значительная часть китайских исследований может быть верифицирована с использованием опросов населения КНР, проведенных западными институциями, такими как Исследовательский центр Пью, Институт Гэллапа и т.п. Эти организации активно изучают мнение жителей Китая по, например, международным вопросам, анализируя их отношение к различным странам, включая Россию.

Более серьезного внимания заслуживает проблема репрезентативности выборок, распространяющаяся и на исследования зарубежных центров, которые также в большинстве своем охватывают только жителей крупных городов КНР. Например, «диспропорционально городской» во все годы проведения международного «Опроса о глобальных установках» в Китае являлась выборка Исследовательского центра Пью [Pew Research Center, 2022]. В наиболее подробном из доступных нам описаний этой выборки указано, что опрос проводился в 12 крупных городах, 12 малых городах и 12 деревнях, при этом последние находились поблизости от городов опроса (т.е. фактически были сельскими пригородами), так что в целом такая выборка репрезентировала примерно 64% взрослого населения КНР [Pew Research Center, 2012]. Японский аналитический центр Genron NPO, ежегодно проводящий опросы по теме международных отношений в Азии, довольствуется интервьюированием респондентов в 10 крупных городах в основных географических районах Китая [Genron NPO, 2021].

Очевидно, причины такой концентрации выборок в немалой степени связаны с логистическими трудностями организации интервьюирования респондентов – территориальной удаленностью и сравнительно слабой транспортной доступностью многих сельских районов. Но может играть роль и языковой фактор: трудно проводить общенациональные опросы в стране с множеством очень сильно (гораздо сильнее, чем в России) различающихся диалектов, особенно характерных для сельской местности (как известно, единое информационное пространство городской жизни постепенно стирает диалектные различия). Оба эти фактора существенно повышают затраты на опросы «лицом к лицу» вне крупных городов, население которых гораздо более доступно для контакта в логистическом и в языковом аспекте. Но и в городах присутствуют сравнительно менее доступные группы – плохо образованные, бедные и т.п. Описанная ситуация знакома и наблюдателю, вовлеченному в социально-политические исследования в России. В самом деле, объективная доступность и готовность принимать участие в исследованиях для образованных москвичей и петербуржцев, попадающих практически во все выборки

опросов национального уровня, превосходит как доступность жителей небольших отдаленных сельских регионов, которые во многие выборки могут вообще не попадать, так и готовность участвовать в опросах малограмотных бедных жителей мегаполисов.

Отчасти решением проблемы могли бы выступать опросы в Интернете, нивелирующие транспортные расходы и не требующие знания диалектов от интервьюеров (китайская иероглифическая письменность предполагает одинаковое обозначение объектов, часто очень по-разному называемых в различных диалектах). Действительно, Центрально-европейский институт азиатских исследований в описании своего дебютного онлайн-опроса, проведенного весной 2022 г., претендует на репрезентацию всего населения КНР [Turcsanyi, Dubravcikova et al., 2022: 3]. Однако исследователи из компании Ipsos, многие годы проводящие онлайн-опросы в Китае, продолжают предостерегать пользователей данных, что их выборка смещена в сторону городского, более образованного и состоятельного населения [Bricker, 2021: 3].

Причиной такого положения вещей является как наличие бедных слоев с низким образованием в городах, так и существенные различия между городским и сельским населением, закрепленные в институте регистрации по месту жительства («хуцзи», кит. 户籍), во многом аналогичной действовавшей в СССР разрешительной системе «прописки». Реформируемая в последние годы в сторону повышения равенства, она, тем не менее, традиционно определяет многие культурные, политические и образовательные возможности домохозяйств, расширяя ресурсы городского населения и сужая – сельского. Кроме того, в Китае до сих пор не преодолена традиционная бедность сельского населения, наряду со сравнительно более низким образованием сокращающая способность крестьян к «производству» релевантного мнения. Все это делает опросы общественного мнения в сельской местности крайне проблематичными не только с точки зрения объективной доступности сельских респондентов, но и с точки зрения их собственной готовности и способности участвовать в интервью. Этот фактор, разумеется, продолжает воздействовать и на переселенцев из деревни в город, снижая представленность в выборках малограмотных и сравнительно бедных горожан.

На первый взгляд, аргумент нерепрезентативности выглядит неопровержимым. Ведь если массовый социологический опрос плохо репрезентирует сельских жителей в стране, где их доля, как в КНР, в начале 2020-х гг. составляет порядка 36–37%, такой опрос становится заведомо непредставительным. Однако этот критический подход кажется убедительным лишь до тех пор, пока сравнение осуществляется с идеализированными правилами проведения опросов, а не с реальностью других стран. Представим себе, что сельское население Китая совершенно не участвует в массовом опросе (как это происходит в исследованиях Genpop NPO); тогда оно увеличивает долю недоступных для обследования единиц генеральной совокупности на 37%. Это кажется большой величиной до тех пор, пока мы не сталкиваемся с тем, что из-за общей низкой готовности разговаривать с незнакомыми людьми и низкой готовности участвовать именно в опросах доля доступного для телефонных выборок населения в США, по современным оценкам, колеблется на уровне 9–20% [Keeter, 2017: 375]. А так как телефонные опросы сегодня являются одним из основных способов сбора данных, то недоступными для них оказываются от 80% до 91% американцев. И это не мешает интенсивному анализу динамики общественного мнения в США. На этом фоне «выпадение» из выборки чуть более трети генеральной совокупности не кажется критическим нарушением методических норм. Разумеется, оно имеет значение и должно учитываться при анализе, но аргумент о бессмысленности такого анализа теряет остроту. Кроме того, с точки зрения своего политического веса доступная для опросов генеральная совокупность (с большей вероятностью городские, более образованные и богатые, более активные жители) может превосходить нерепрезентируемую часть населения Китая [Shirk, 2008].

Итак, анализ возражений против достоверности исследований общественного мнения в КНР показал, что эти возражения либо преодолеваются, либо – с не меньшими основаниями – должны предъявляться вообще всем исследованиям общественного мнения. На самом

деле общественное мнение формируется и активно воздействует на социальные процессы в современном Китае, хотя и отличающимся от западных политических систем способом. При этом оно может быть достаточно надежно исследовано массовыми опросами, хотя при их анализе необходимо учитывать вероятность самоцензуры респондентов и то, что большинство выборок при социологических опросах в КНР смещены в сторону населения, с большей вероятностью проживающего в городах, а относительно городского населения – в сторону более образованных, обеспеченных, социально и политически активных горожан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. [Bourdieu P. (1993) *Political sociology*. Moscow: Socio-Logos. (In Russ.)]
- Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Жизнь 1-я. М.: Прогресс-Традиция, 2001. [Grushin B.A. (2001) *Four lives of Russia in the mirror of opinion polls. 1st life*. Moscow: Progress-Tradicia. (In Russ.)]
- Цзэ-дун М. Избранные произведения в 5 т. Т. III. Пекин: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1969. [Ze-dong M. (1969) *Selected works in 5 vol. Vol. III*. Beijing: Izd-vo lit-ry na inostr. yaz. (In Russ.)]
- Bricker D. (2021) *Ipsos World Affairs*. URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-11/World-Affairs-Global-Survey-2021-Halifax-Security-Forum.pdf> (accessed 10.12.22).
- Cho H. (2000) Public opinion as personal cultivation: A normative notion and a source of social control in traditional China. *International Journal of Public Opinion Research*. No. 3: 299–323. DOI: 10.1093/ijpor/12.3.299.
- Chubb A. (2019) Assessing public opinion's influence on foreign policy: the case of China's assertive maritime behavior. *Asian Security*. No. 2: 159–179. DOI: 10.1080/14799855.2018.1437723.
- Genron NPO. (2021) *Japan-China Public Opinion Survey 2021*. URL: <https://www.genron-npo.net/en/pp/docs/211025.pdf> (accessed 10.12.22).
- Huang H., Intawan C., Nicholson S.P. (2022) In Government We Trust: Implicit Political Trust and Regime Support in China. *Perspectives on Politics*. First view. 1–19. DOI: 10.1017/S1537592722001037.
- Keeter S. (2017) The Impact of Survey Non-response on Survey Accuracy. In: D.L. Vannette, J.A. Kroshnick (eds). *The Palgrave Handbook of Survey Research*. New York: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-54395-6_47.
- Lei X., Lu J. (2017) Revisiting political wariness in China's public opinion surveys: Experimental evidence on responses to politically sensitive questions. *Journal of Contemporary China*. No. 104: 213–232. DOI: 10.1080/10670564.2016.1223104.
- Neuman W.L. (2012) Designing the Face-to-Face Survey. In: L. Gideon (ed.). *Handbook of Survey Methodology for the Social Sciences*. New York: Springer.
- Ouyang Z., Chen S., Lai Y., Yang X. (2022) The correlations among COVID-19, the effect of public opinion, and the systemic risks of China's financial industries. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. Vol. 600(c): 127–518. DOI: 10.1016/j.physa.2022.127518.
- Pan J., Xu Y. (2018) China's ideological spectrum. *The Journal of Politics*. No. 1: 254–273. DOI: 10.1086/694255.
- Perrin A.J., McFarland K. (2011) Social Theory and Public Opinion. *Annual Review of Sociology*. Vol. 37: 87–107. DOI: 10.1146/annurev.soc.012809.102659.
- Pew Research Center. (2012) Growing Concerns in China about Inequality, Corruption. URL: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/2/2012/10/Pew-Global-Attitudes-China-Report-FINAL-October-10-2012.pdf> (accessed 10.12.22).
- Pew Research Center. (2022) Country Specific Methodology. URL: <https://www.pewresearch.org/methods/interactives/international-methodology/all-survey/china/all-year/> (accessed 10.12.22).
- Ratigan K., Rabin L. (2020) Re-evaluating political trust: The impact of survey nonresponse in rural China. *The China Quarterly*. Vol. 243: 823–838. DOI: 10.1017/S0305741019001231.
- Robinson D., Tannenber M. (2019) Self-censorship of regime support in authoritarian states: Evidence from list experiments in China. *Research & Politics*. No. 3: 1–9. DOI: 10.1177/2053168019856449.
- Shen X., Truex R. (2021) In search of self-censorship. *British Journal of Political Science*. No. 4: 1672–1684.
- Shirk S.L. (2008) *China: Fragile Superpower*. Oxford: Oxford University Press.
- Song Y., Lu Y., Chang T.K., Huang Y. (2016) Polls in an authoritarian space: reporting and representing public opinion in China. *Asian Journal of Communication*. No. 4: 339–356. DOI: 10.1080/01292986.2016.1261362.

- Stockmann D., Esarey A., Zhang J. (2018) Who is afraid of the Chinese state? Evidence calling into question political fear as an explanation for overreporting of political trust. *Political Psychology*. No. 5: 1105–1121. DOI: 10.1111/pops.12471.
- Thornton P.M. (2011). Retrofitting the steel frame: From mobilizing the masses to surveying the public. In: S. Heilmann, E. Perry (eds). *Mao's Invisible Hand: The Political Foundations of Adaptive Governance in China*. 237–268. DOI: 10.1163/9781684171163_009.
- Turcsanyi R.Q., Dubravcikova K., Kironka K., Wang T., Iocovozzi J., Gries P., Vasekova V., Chubb A. (2022) *Chinese views of the world at the time of the Russia-Ukraine war. Evidence from a March 2022 public opinion survey*. Olomouc: Palacky University and CEIAS. URL: https://ceias.eu/wp-content/uploads/2022/05/CN-poll-report-final_may11.pdf.
- Weiss J.C. (2019) How hawkish is the Chinese public? Another look at “rising nationalism” and Chinese foreign policy. *Journal of Contemporary China*. No. 119: 679–695. DOI: 10.1080/10670564.2019.1580427.
- Zhang S., Li Y., Hao Y., Zhang Y. (2018) Does public opinion affect air quality? Evidence based on the monthly data of 109 prefecture-level cities in China. *Energy Policy*. Vol. 116: 299–311. DOI: 10.1016/j.enpol.2018.02.025.
- Zhang Y. (2004) Public Opinion Without a Public? State Democracy, Middle-Class Consumerism and Opinion Surveys in Post-Mao China. *Southern Review: Communication, Politics & Culture*. No. 2: 4–21.
- Zhao T., Jin C., Zhai X. (2022) The Evolution and Development of Public Opinion Analysis in China – From the Perspective of Bibliometric Analysis. In: X. Shi, G. Bohacs, Y. Ma, D. Gong, X. Shang (eds). *Proceedings of the 11th International Conference on Logistics, Informatics and Service Sciences*. Singapore: Springer: 401–414.
- Zhou Z. (2018) China's Death Penalty Reforms and Trials under the Influence of Public Opinion. *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*. No. 2: 582–604. DOI: 10.1515/zstw-2018-0023.
- Zhu J.H. (1988) Public opinion polling in China: A descriptive review. *Gazette*. Vol. 41. No. 2: 127–138. DOI: 10.1177/001654928804100204.
- 张志明. 中国共产党与中国民主政治. 北京: 五洲传播出版社, 2007. [Zhang Zhiming. (2007) *The Chinese Communist Party and Chinese Democratic Politics*. Beijing: China Intercontinental Press. (In Chinese)]
- 张荣臣. 中国共产党的组织与机制. 北京: 五洲传播出版社, 2007. [Zhang Rongchen. (2007) *Organization and Mechanism of the Chinese Communist Party*. Beijing: China Intercontinental Press. (In Chinese)]

Статья поступила: 12.12.22. Финальная версия: 28.12.22. Принята к публикации: 16.01.23.

REABILITY OF PUBLIC OPINION POLLS IN CHINA

LI QIN*, BABICH N.S.** ***

*Southeast University, PRC; **Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; ***RUDN University, Russia

Qin Li, Cand. Sci. (Philol.), Senior Lecturer, Institute of Foreign Languages, Southeast University, Jiangsu Province, Nanjing, PRC (chineseli@mail.ru); Nikolay S. BABICH, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Associate Prof. at the Department of Sociology, RUDN University, Moscow, Russia (sociolog@mail.ru).

Acknowledgements. Co-author of this article Li Qin was supported by Fundamental Research Funds for Chinese Central Universities (Project No. 2242020S20050 and Project No. 2242020R10030) and Jiangsu Province Project “Double Creative PhD” (JSSCBS202030305).

Abstract. The current international situation has increased importance of analyzing public opinion in the PRC. But the specificity of Chinese society allows critics of the PRC to put forward arguments (lack of “democratic public”, self-censorship of respondents, suspicions regarding political censorship, non-representative samples) against such an enterprise. This article systematically examines and refutes these arguments. The undertaken analysis shows that they are either easily overcome, since they are based on fragmentary data, or, with no less reason, should be addressed to all studies of public opinion in the world. This makes it possible to rely on polling data in the PRC and analyze public opinion trends with their help, although such an analysis should take into account likelihood of self-censorship of respondents, common for any society, and the fact that most samples in China represent, first of all, the most active urban population.

Keywords: public opinion, PRC, self-censorship, reliability of surveys, samples' representativity.

Received: 12.12.22. Final version: 28.12.22. Accepted: 16.01.23.